

УДК 82-2

ФРАГМЕНТ О КИФЕ МОКИЕВИЧЕ И МОКИЕ КИФОВИЧЕ В АССОЦИАТИВНО-СМЫСЛОВЫХ КОНТЕКСТАХ «МЕРТВЫХ ДУШ»

© Светлана Синцова

A FRAGMENT ABOUT KIFA MOKIEVICH AND MOKIY KIFOVICH IN THE ASSOCIATIVE-SEMANTIC CONTEXTS OF “DEAD SOULS”

Svetlana Sintsova

The article considers a fragment about Kifa Mokivich and Moki Kifovich as the author-narrator's attempt to penetrate the mystery of Chichikov. We analyze the reasons for including this episode: a failed attempt to expose the “villain” in the biography of the protagonist, preservation of his “mask”, and the implicit formation of associations of the character with the mythological images of Sisyphus and Odysseus. In the associative-semantic contexts, this inserted novella appears to be another Gogol's attempt to penetrate the mystery of his character in a metaphorical form. This article substantiates the idea that the image of Kifa Mokivich develops an association with Sisyphus who escaped from the realm of the dead (phantasmagoric images, generated by the consciousness of the homegrown philosopher), the image of Moki Kifovich is associated with Odysseus (a broken bed, likeness to animals). The development of the latter association affects the formation of a symbolic lifestyle – Circe, exerting power over people who are good by nature (the rapprochement of Moki Kifovich with Chichikov through their likeness to a dog). In this semantic field, the attempts of the author-narrator to justify and forgive his characters look vain (out of the giant egg a beast is born again). And the desire to penetrate into their secret threatens them with death (the association of the gun with Afanasi Ivanovich's rifle and the killing of Taras Bulba's son).

Keywords: association, semantic contexts, mythological images, symbol, motif of the fate, mask, excuse.

Фрагмент о Кифе Мокиевиче и Мокие Кифовиче рассматривается как одна из попыток автора-повествователя проникнуть в загадку Чичикова. Анализируются причины появления данного эпизода: неудачная попытка изобличить «подлеца» в биографии героя, сохранение его «маски», подспудно формирование ассоциаций персонажа с мифологическими образами Сизифа и Одиссея. В данных ассоциативно-смысловых контекстах вставная новелла предстает еще одной попыткой Гоголя проникнуть в тайну персонажа в метафорической форме. В статье доказывается положение, что образ Кифы Мокиевича развивает ассоциацию с Сизифом, сбежавшим из царства мертвых (фантазмагорические образы, рожденные сознанием доморощенного философа), образ Мокия Кифовича – ассоциацию с Одиссеем (изломанная кровать, уподобление животным). Развитие последней ассоциации влияет на формирование символического образа жизни-Цирцеи, во власти которой оказываются неплохие от природы люди (сближение Мокия Кифовича с Чичиковым через уподобление собаке). В таком смысловом поле попытки автора-повествователя оправдать и простить своих персонажей выглядят тщетными (из гигантского яйца снова родится зверь). А само стремление проникнуть в их тайну грозит им гибелью (ассоциации пушки с ружьем Афанасия Ивановича и убийством сына Тарасом Бульбой).

Ключевые слова: ассоциации, смысловые контексты, мифологические образы, символ, мотив рока, маска, оправдание.

В статье продолжен анализ одного из финальных эпизодов первого тома «Мертвых душ». В предшествующих публикациях ([Синцова, 2009], [Синцова, 2012], [Синцова, 2012, т. 154], [Синцова, 2016]) последовательно раскрывался гендерный интертекст указанного произведения, который влиял на развитие потенциального смы-

слового фона. В основу динамики последнего Гоголь положил мотив маски, который скрыл истинную суть образа Чичикова, сформировал вокруг него ореол таинственности.

К финалу первого тома писатель создает ряд эпизодов, которые призваны приоткрыть истинную сущность персонажа [Синцова, 2012, т. 154].

В ряду таких эпизодов особая роль отведена биографии Чичикова, поскольку в ней высказаны не просто нелепые догадки других героев поэмы (Наполеон, Капитан Копейкин, Ринальдо Ринальдини и др.), а осуществлен развернутый и базирующийся на фактах «экскурс» в историю рождения, детства, юности, зрелости Павла Ивановича, его постепенного превращения в афериста поневоле. Но все попытки автора-повествователя проникнуть за личину Чичикова через описание его мужания не достигают цели. Исходный посыл рассказчика изобличить «подлеца» постепенно разрушается фактами. В Чичикове все отчетливее проступают неожиданные черты: стремление оставаться порядочным, следовать нравственным нормам. Выясняется, что аферистом он стал не по склонности природы, а под влиянием обстоятельств [Синцова, 2016].

Данная смысловая основа биографии во многом формируется исподволь. Немаловажную роль в ее становлении играют многочисленные ассоциации с другими произведениями Н. В. Гоголя: повестями «Нос», «Шинель», «Вий», «Колыска». Уподобление их персонажам, связь с деталями и мотивами поступков значительно углубляют и типизируют черты Чичикова. Такие усилия автора приводят к появлению совсем уже неожиданных ассоциаций: с Одиссеем и Сизифом, обманувшим стражей Аида и вернувшимся из потустороннего мира к земной привычной жизни. Ассоциации с античными мифами сообщают биографии Чичикова символично-метафорические значения, уподобляя его жизнь одновременно и бурному морю, и тяжкому труду в царстве мертвых. За этими значениями угадывается образ рока, его вмешательства в столь, казалось бы, обыденное, хоть и беспокойное существование Павла Ивановича [Там же].

Автор-повествователь, слишком сосредоточенный на мелочах жизни своего героя, скованной исходной установкой изобличить «подлеца», не может осмыслить и даже выразить этот новый слой обобщенных смыслов. Поэтому, очевидно, Гоголь прерывает его рассказ и переходит к новому эпизоду – повествованию о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче.¹ Возникая совершенно неожиданно, оно сохраняет связь с интригой предыдущего рассказа о Чичикове. Крайне заинтригованный читатель продолжает по инерции думать о главном герое, но переходит на новую ступень – метафорического постижения.

Специфический «философический настрой» новеллы о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче подготовлен особым дистанцированием читателя. Гоголь предлагает ему взглянуть на данный эпизод глазами иностранца. Тем самым читательский взгляд неким образом и отстраняется (в пространстве), и «остраняется», поскольку привычное для русского течение жизни может казаться стороннему наблюдателю необычным.

Усиливает данный акцент исходное упоминание, что Кифа Мокиевич был хоть и доморощенным, но все же философом. И размышлял он не о какой-то там мелочи, о ерунде, а о «натурфилософской проблеме»: о способах рождения зверя. Так Гоголь, похоже, намекает на то, что черты, которые воплотят персонажи вставного эпизода, имеют естественно-природное происхождение. С позиций таких «философических установок» оба персонажа предстают как воплощение двух жизненных позиций, двух принципов существования: Кифа Мокиевич – созерцатель и псевдофилософ, Мокия Кифович – «богатырь» и «приперть».

В ассоциативном поле мифологических ассоциаций жизнеописания Чичикова Кифа Мокиевич предстает весьма неожиданной трансформацией Сизифа, а Мокия Кифович – Одиссея. Скрытую связь Кифы Мокиевича с беглецом из царства мертвых активизируют не только фантастические образы, которые порождает его сознание: зверь в перьях, слон в скорлупе как будто сошли с картин И. Босха. Дополняет сходство «халатный» образ жизни почтенного «отца семейства». В этой черточке есть отсыл к образу Хомя, мечтавшему зажить спокойной созерцательной жизнью на хуторе. Но есть также и уподобление Сизифу, сбежавшему из загробного мира и наслаждающемуся обыденной жизнью (согласно мифу). Скрытую остроту этому наслаждению придают смутные воспоминания о чудовищах царства Аида...

Еще одна черта, роднящая Кифу Мокиевича с Сизифом, – его иезуитские речи. Не желая, похоже, воспитывать сына или понимая всю тщетность таких усилий (отказ катить камень в гору), Кифа Мокиевич изощренно оправдывает себя высокими отцовскими чувствами. Так активизируется ассоциация с той частью мифа о Сизифе, в которой он обманул бога подземного мира и был отпущен на землю, где долго и успешно скрывался под личиной обычного человека.

Образ Мокия Кифовича также содержит едва уловимые ассоциации с Одиссеем, вернувшимся на Итаку и разгромившим женихов Пенелопы. Также громит и крушит все и всех Мокия Кифович. Но особенную роль в этих «подвигах» игра-

¹ Варианты интерпретаций данного эпизода представлены в ряде исследований: [Воропаев], [Кривонос], [Манн], [Синяк].

ет изломанная в куски кровать в спальне – вещь чрезвычайно важная для древнегреческого скитальца по морям. Кроме того, Кифу Мокиевича окружающие называют собакой. Об этом упоминает отец, когда произносит свои оправдательные речи в защиту сына. Такое «ругательное», на первый взгляд, уподобление животному, активизирует ассоциацию с еще одним эпизодом «Одиссеи»: с превращением спутников главного героя в свиней на острове волшебницы Цирцеи. Так в поступках Мокия Кифовича подчеркивается еще одно «природное начало»: в нем исконно заложена зверино-разрушительная сущность. Но его личной вины в этом нет: «...был он доброй души». В подобие злобной собаки Мокий Кифович превращен некоей мистической силой. Не случайно этот образ ассоциативно соотносится с образом панночки, которая, обернувшись собакой, загрызла Шепчиху и ее дитя («Вий»). Вспомним, что отец панночки никак не хотел верить, что его дочь ведьма. Он перекладывал вину на некие мистические силы, отнявшие у него дочь.

Этот едва уловимый оттенок власти таинственных сил над добрым от природы человеком сближает Мокия Кифовича с Чичиковым. Того тоже обстоятельства жизни превратили в подобие «собаки», сообщив тем самым случайным стечениям обстоятельств его существования мистические и символические значения: жизнь как волшебница Цирцея [Синцова, 2016]. В свете таких ассоциаций вина полностью снимается не только с Кифы Мокиевича, но и с Павла Ивановича. Он, наконец, получает не только оправдание, но и возможность нового рождения.

Намек на него есть в последней «философской фантазии» Кифы Мокиевича: уже не зверь должен родиться в перьях, но слон в необычно толстой скорлупе... В такой возможности второго рождения скрыто присутствует мотив рока: герой снова родится в образе зверя. Эту видимость не разрушит никакая пушка, из которой предполагается стрелять в скорлупу. Так за символическим образом жизни закрепляется мифологический шлейф образа Цирцеи: она не выпустит со своего «острова» никакого «одиссея»; во всех своих перерождениях и метаморфозах он обречен оставаться зверем, носить эту маску.²

² Возможно, в этой символической рефлексии Гоголь запечатлел предчувствие своей неудачи со второй и третьей книгой «Мертвых душ». Перерождение Чичикова, задуманное писателем, обещало на практике создание еще одного «зверя» в еще более несокрушимой «личине» (толстая скорлупа). Изобретение любых мощных «пушек» – новых способов проникновения к подлинной сути героя – не позволило бы «сло-

Данный «роковой» оттенок смысла фрагмента о Кифе Мокиевиче и Мокие Кифовиче накладывает свой отпечаток на мотив оправдания и Мокия Кифовича, и Чичикова. Несмотря на приятие отцом своего сына-«шалуна», несмотря на призыв автора-повествователя к читателю прекратить преследование Чичикова своими насмешками (подобно мальчишке), у обоих персонажей сохраняется символический оттенок уродства. Мокий Кифович как был «собакой», так ее подобием и останется, даже преобразившись в слона (все равно «зверь», да еще более угрожающий своей разрушительной силой). Любовь отца, принявшего в сердце сына-собаку, окружит его подобием скорлупы, как бы сокровит уродство от глаз окружающих, но звериной сути не изменит, а только даст ей прирасти, созреть. Поэтому одной любви-приятности недостаточно для подлинного преображения героя, его внутреннего перерождения. Тем более что Гоголь сохраняет возможность разрушения этой хрупкой, пусть и «толстой» защиты: скорлупу яйца, скрывающей слона, хоть и пушкой не прошибешь, но все же новое орудие для этой цели можно выдумать... И тогда «слон» может принести гораздо больше зла, чем «собака».

Упоминание об оружии активизирует две ассоциации: с «войной» Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича из-за отказа подарить ружье – символ мужественности, и с персонажами «Тараса Бульбы». Обе ассоциации служат едва уловимым напоминанием о хрупкости и даже жестокости той любви-привязанности, что способны питать мужчины друг к другу, будь то дружба или отцовские чувства. Эти чувства, как свидетельствуют сюжетные перипетии «Тараса Бульбы», могут оказаться не столь широки и благородны, ведь Тарас только ради Остапа готов был претерпеть испытания и даже унижения (его уподобление Мордехаю, переодевание и т. п.). Андрию же он не простил измены «товариществу», не принял его в свое отцовское сердце преобразенным любовью к панночке [Синцова, 2009]. Еще сильнее обостряет этот оттенок скепсиса трансформированный образ ружья из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Эта деталь служит напоминанием, насколько хрупкой может оказаться мужская дружба, из-за сколь ничтожного повода она может быть уничтожена и поправа.

Но ассоциация с ружьем не только сообщает оттенок эфемерности и хрупкости любви-

ну» явиться миру в образе нагого младенца или трогательного птенца... Писателю тоже не удалось бы рассеять чары жизни-Цирцеи...

приятию, которое сродни отцовскому чувству или чувству дружбы. «Огнестрельное орудие», упомянутое в финале вставной новеллы о «философе» и его сыне, вызывает в памяти аналогичную деталь и из «Старосветских помещиков». Там Афанасий Иванович собирался покинуть свою супругу ради военных подвигов. Испуганная Пульхерия Ивановна, в свою очередь, тоже пыталась напугать мужа последствиями, уверяя, что его сразу же убьют в сражении. В свете данной ассоциации у символа скорлупы появляются иные оттенки: это уже не мужская, но женская «оболочка» для инфантильного мужчины, сохраняющего свою ребячливость и непоседливость даже в старости. Данная ассоциация сопрягается с образом дома Тараса, а также его жены, у которой отец отнимает детей, как бы перемещая их из «скорлупы» материнской любви-заботы в «скорлупу» «товарищества» и Сечи. И такое перемещение оказалось гибельным для обоих сыновей.

Так у образа огнестрельного орудия, способного разрушить толстую скорлупу-любовь отца, формируется катастрофический оттенок: может быть разбита не только скорлупа огромного и прочного на вид яйца, но может быть уничтожен и зверь-младенец... Мужской ум в своем увлечении технологической задачей создания нового орудия этой опасности не учитывает. Этим его любовь и его разум (философствующий) кардинально отличается от женского. Даже отцовская любовь может нести разрушительное начало. Она, будучи лишена безусловной женской способности принимать свое дитя, не только не совершенна, но даже нелепа, вымучена, смешна, как весьма уродливое порождение ума доморощенного философа о слоне в яйце... Но самое главное, такая любовь не спасает от чар жизни Цирцеи и не позволяет душе мужчины измениться в своей глубинной сути.

Очевидно, поэтому Гоголь тут же добавляет следующий «рецепт», способный преобразить душу уже изнутри. И «рецепт» этот «прописан» не только Чичикову, но и читателю (его образу). В основе пафосного обращения автора-повествователя – призыв обратить взор в собственную душу и поискать в ней «какой-нибудь части Чичикова». И вновь в таком призыве проступает ассоциация с повестью «Вий», а также продолжением ее мотивов в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Основа таких ассоциаций – пристальный «взор», превращающийся в «тяжелый запрос» к собственной душе.

Вы боитесь глубоко устремленного взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокий взор <...>. А кто из вас, полный христианского смирения, не гласно, а в тишине, один, в минуты уединенных бесед с самим собой, углубит вовнутрь собственной души сей тяжелый запрос: «А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?» Да, как бы не так! [Гоголь, с. 234–235].

Данная ассоциация (прежде всего с «Вием») сообщает анализируемому фрагменту «Мертвых душ» смысловые «шлейфы» эпизода с чудовищем, ставшим символическим воплощением уродства и одновременно дюжинности мужской души. Брошенный на него взгляд испуганного, но преодолевающего свой страх бурсака, разрушил преграду магического круга, как бы впустив тем самым не только Вия, но и весь сонм чудовищ в душу героя (символ церкви, набитой чертями). Поэтому активизация данной ассоциации продолжает разрушение мотива возможного преобразования персонажа. В его душе даже самосозерцание, даже с христианским смирением, не позволит увидеть ничего святого и высокого (лишь вий явится его вперенному взору). Напротив, взор, обращенный внутрь, превратит детскую сущность мужчины в источник насмешек над ближним, сообщит детскости черты бессмысленной озлобленности и жестокости. Так ребенок в этой душе опять соединится со зверем, вернее, его странной модификацией, подобной вию...

Анализ различных ассоциаций гендерного и мифологического планов во фрагменте о Кифе Мокиевиче и Мокие Кифовиче позволяет сделать вывод о теснейшей внутренней связи данного эпизода со всем смысловым «фоном» поэмы. Стремление автора заглянуть под маску главного героя, разгадать его тайну кульминирует в образе яйца, в котором скрывается звериная и одновременно по-младенчески уязвимая сущность (собака, слон). Она ассоциативно соотнесена не только с Чичиковым, но и в целом с мужским началом, а также с неким метафорическим представлением иностранцев о России. Эту сущность, как показывает анализ, невозможно изменить ни любовью-приятием (граничащей с попустительством и равнодушием), ни самосозерцанием (взгляд вия). Зверь только станет больше, его мощь многократно вырастет. И если скорлупа будет разрушена (каким-то придуманным орудием), то сущность либо погибнет, либо явит миру свою разрушительную мощь. Так в финале анализируемого фрагмента формируется противоречивое предощущение, которое, без сомнения, подготавливает появление заключительного лирического отступления о птице-тройке.

Список литературы

- Воропаев В. А. Окно в мир евангельских истин. Пословицы и притчи в поэме Гоголя «Мертвые души» // Ronl.ru: РОНЛ.ру – коллекция рефератов, 2000–2017. URL: <https://www.ronl.ru/doklady/literatura-i-russkiy-yazyk/129886/> (дата обращения: 01.12.2017).
- Гоголь Н. В. Мертвые души // Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 6. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1950. 920 с.
- Кривонос В. Мотивы художественной прозы Гоголя. СПб.: ЕГПИ, 1995. 251 с.
- Манн Ю. В. В поисках живой души: «Мертвые души». Писатель – критика – читатель. М.: Книга, 1984. 351 с.
- Синцова С. В. Мистические и культурно-художественные контексты повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2009. № 4. С. 154–167.
- Синцова С. В. Мотив маски в «Мертвых душах Н. В. Гоголя» // Текст. Произведение. Читатель: материалы междунар. научно-практ. конференции. Пенза, Казань: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. С. 83–89.
- Синцова С. В. Мотив утрачиваемых мужских ценностей в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2012. Т. 154, кн. 5. С. 216–222.
- Синцова С. В. Развитие гендерных и мифологических ассоциаций в биографии Чичикова // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 3(45). С. 161–165.
- Синяк Е. В. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» в историко-функциональном освещении: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 172 с.

References

- Gogol, N. V. (1950). *Mertvye dushi* [Dead Souls]. N. V. Gogol. Poln. sobr. soch.: v 14 t. T. 6, 920 p. Moscow-Leningrad, izd-vo AN SSSR. (In Russian)

- Krivosos, V. (1995). *Motivy khudozhestvennoi prozy Gogolia* [Motifs of Gogol's Fictional Prose]. 251 p. St.Petersburg, EGPI. (In Russian)
- Mann Yu. V. (1984). *V poiskakh zhivoi dushi: "Mertvye dushi"* [In Search of a Living Soul: "Dead Souls"]. Pisatel' – kritika – chitatel'. 351 p. Moscow, Kniga. (In Russian)
- Siniak, E. V. (2005). *Poema N. V. Gogolia "Mertvye dushi" v istoriko-funktsional'nom osveshchenii: dis. ... kand. filol. nauk* [Nikolai Gogol's Poem "Dead Souls" in Historical and Functional Light: Ph.D. Thesis]. 172 p. Moscow. (In Russian)
- Sintsova, S. V. (2009). *Misticheskie i kul'turno-khudozhestvennye konteksty povesti N. V. Gogolia "Taras Bul'ba"* [Mystical and Cultural-Fictional Contexts of Nikolai Gogol's Story "Taras Bulba"]. Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury. No. 4, pp. 154–167. (In Russian)
- Sintsova, S. V. (2012). *Motiv maski v "Mertvykh dushakh N. V. Gogolia"* [The Motif of Mask in N. V. Gogol's "Dead Souls"]. *Tekst. Proizvedenie. Chitatel': materialy mezhdunar. nauchno-prakt. konferentsii*. Pp. 83–89. Penza, Kazan', Nauchno-izdatel'skii tsentr "Sot-siosfera". (In Russian)
- Sintsova, S. V. (2012). *Motiv utrachivaemykh muzhskikh tsennostei v poeme N. V. Gogolia "Mertvye dushi"* [The Motif of Lost Male Souls in "Dead Souls" by N. V. Gogol]. *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki*. T. 154, kn. 5, pp. 216–222. (In Russian)
- Sintsova, S. V. (2016). *Razvitie gendernykh i mifologicheskikh assotsiatsii v biografii Chichikova* [The Development of Gender and Myth Associations in Chichikov's Biography]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 3(45), pp. 161–165. (In Russian)
- Voropaev, V. A. *Okno v mir evangel'skikh istin. Poslovitsy i pritchi v poeme Gogolia "Mertvye dushi"* [A Window into the World of Evangelical Truths. Proverbs and Parables in Gogol's Poem "Dead Souls"] Ronl.ru: RONL.ru – kolleksiia referatov, 2000–2017. URL: <https://www.ronl.ru/doklady/literatura-i-russkiy-yazyk/129886/> (accessed: 01.12.2017). (In Russian)

The article was submitted on 05.12.2017
Поступила в редакцию 05.12.2017

Синцова Светлана Викторовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский государственный энергетический
университет,
420066, Россия, Казань,
Красносельская, 51.
esintsov@mail.ru

Sintsova Svetlana Viktorovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan State Power Engineering University,
51 Krasnoselskaya Str.,
Kazan, 420066, Russian Federation.
esintsov@mail.ru